

Д.Л. Мордовцев

**Полное собрание
исторических романов,
повестей и рассказов**

Том 1–3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М79

М79 **Мордовцев Д.Л.**
Полное собрание исторических романов, повестей и рассказов: Том 1–3 / Д.Л. Мордовцев – М.: Книга по Требованию, 2014. – 505 с.

ISBN 978-5-517-98393-0

Сагайдачный (Повести из времен вольного казачества). Замурованная царица (Роман из жизни древнего Египта). Говор камней (Рассказы из жизни древнего Египта).

ISBN 978-5-517-98393-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Д. Л. МОРДОВЦЕВЪ.

Критико-біографическій очеркъ П. В. Бьмова.

Въ Области Войска Донского въ эпоху смуть послѣ гетмана Мазепы въ украинскомъ казачествѣ началось ослѣнное движеніе на востокъ вообще и «на слободы», въ слободскую Украину въ частности. Много малороссійскихъ казаковъ ослѣло здѣсь. Въ одной семьѣ, поселившейся въ казачьей слободкѣ Даниловкѣ, стоящей на рѣкѣ Медвѣдицѣ, сохранилась старинная икона, на ризѣ которой вычеканено было слѣдующее: «Сей образъ сооруженъ тѣнѣмъ и трудами бывшаго сотника малороссійскихъ войскъ Іоанна Власіева Сліпченко-Мордовцева». Годъ чеканки—1709-й. Этотъ сотникъ и былъ предкомъ нашего извѣстнаго писателя Данила Лукича Мордовцева, блестящаго историческаго романиста, виднаго изслѣдователя исторіи Пугачевщины и публициста. Онъ родился въ слободкѣ Даниловкѣ 7-го декабря 1830 года, гдѣ отецъ его былъ тогда управляющимъ этой слободки и довѣреннымъ лицомъ ея владѣльцевъ, помѣщиковъ Ефремовыхъ, будучи женатъ на дочери мѣстнаго священника, о. Діонисіева. Данилъ Лукичъ былъ меньшой въ семьѣ; старше его были еще трое братьевъ и сестра. Еще не дотянувъ и до года, онъ остался сиротою, потерявъ отца. И тогда мать особенно привязалась къ нему, сильно баловала своего «мизинчика», закармливала его, исполняла его капризы и прихоти, всячески угождала ему. По словамъ писателя, это была любовь трогательная, лѣжная, полная ослабленій всякаго рода по отношенію къ сыну-сиротѣ, но не слѣжая, и «мизинчикъ» паравнѣ съ остальными дѣтьми воспитывался «въ страхѣ Божіемъ».

Онъ росъ, хотя и недолго, до извѣстной степени дикаремъ въ привольѣ родного уголка, на просторѣ, въ живописной мѣстности, среди богатой, дивной природы. И можно сказать, что эти безбрежныя, полныя дикою красы степи да густой, дремучій лѣсъ были его первыми истинными воспитателями. Здѣсь складывался его характеръ, здѣсь ребенокъ впервые сталъ проникаться самосознаніемъ. Непзгладимый отпечатокъ наложила на него вся обстановка, среди которой онъ росъ, съ одной стороны закаляя его, съ другой—пріучая познавать красоту природы, ея гармонию и рано заронила въ его душу зерно любви къ широкой свободѣ и къ родному казачеству. Свободу онъ обожалъ и этому обожанію остался вѣреть на вѣки; она красной нитью прошла черезъ все его произведенія, черезъ всю его публицистическую дѣятельность; она двигала его талантливымъ перомъ, по ею онъ пользовался осмотрительно и разумно. Осталась въ немъ навсегда и любовь къ родному казачеству, выразившаяся и въ длинномъ рядѣ его цѣнныхъ историческихъ изслѣдованій, посвященныхъ Украинѣ, и въ его беллетристическихъ произведеніяхъ, взятыхъ изъ разныхъ эпохъ жизни малороссійскаго казачества. Описываетъ ли онъ быть запорожцевъ, или судьбу родного ему народа, или обстановку, среди которой казаки жили и дѣйствовали, онъ всегда невольно выдаетъ себя, какъ пламенный поклонникъ родной Малороссіи, съ большой любовью живописующій ея судьбу, рисующій яркія, поразительныя картины жизни поэтической Украйны XVI и XVII столѣтій. Онъ подчеркиваетъ мужественность ея сыновъ, въ особенности ея героевъ. По развитію, по образованію, по выдающейся культурности, по своимъ воззрѣніямъ Мордовцевъ былъ истиннымъ европейцемъ, а все же въ немъ проглядывалъ малороссъ, своеобразный представитель украинскаго казачества, типичныя черты котораго проявлялъ онъ еще въ раннемъ дѣтствѣ, когда родная природа была первымъ его наставникомъ. «Мы, деревенскіе ребятнишки,—разсказываетъ онъ,—бродили по лѣсу ватагами, разоряя птицъ и собирая «козельцы», зато изучили природу до тонкостей и знали каждую птицу, каждое дерево, каждую травку».

Какъ ни привлекательна жизнь среди природы, на волѣ, по вѣчно оставаться дикаремъ пельзя, и Мордовцеву пришлось сѣсть за книжку. Когда ему исполнилось пять лѣтъ, онъ началъ учиться грамотѣ, по пе русской, а славянской. Родной племянникъ его матери, дьячокъ Феодоръ Листовъ, былъ его учителемъ. Онъ усадилъ братьевъ Мордовцевыхъ сперва за букварь, а затѣмъ за «часословець» и «псалтырь», которые юный Давидъ выучилъ скоро наизусть. Память у него была удивительная. Ее сохранилъ онъ и въ зрѣлые годы, и она много помогала его творчеству. Онъ всегда превосходно помнилъ прочитанное и безошибочно могъ передать наизусть цѣлыя мѣста какого-нибудь историческаго документа. Послѣ «псалтыря» Мордовцевъ случайно набрелъ на «Потерянный рай» Мильтона въ старинномъ переводѣ Амвросія Серебрянникова, префекта московской академіи. Велико было впечатлѣніе, произведенное на полудикаря, только что ознакомившагося съ грамотой, картинами этой поэмы, мрачнымъ колоритомъ, борьбою злыхъ духовъ съ ангелами. Дѣтское воображеніе было взволновано въ сильной степени. Варіаціи прочитаннаго тревожили его во снѣ, стали мерещиться ему въ сумерки и на яву. Что-то дотолѣ ему невѣдомое проснулось въ ребенкѣ и потянуло его къ бессознательному творчеству. «Я не знаю, что я буду пѣть, но только пѣсня зрѣеть», писалъ Фетъ въ одномъ изъ своихъ задушевныхъ стихотвореній. Такъ и Мордовцевъ готовъ былъ «сочинять», только не зналъ, что, какой сюжетъ ему выбрать. И тутъ вдругъ произошло своего рода событіе. Сталъ онъ дразнить собаку, посившую кличку «Рудько», потому что она была рыжая. Песъ, разуѣбется, вышелъ изъ терпѣнія и укусилъ мальчика. Вотъ это «пронсшествіе» и послужило темой для перваго приступа творчества юнаго Давида. «Сочинитель», до 14-лѣтняго возраста не знавшій по-русски и изъ окружавшихъ его людей видѣвшій, крозмъ семьи и родныхъ, лишь однихъ казаковъ, изобразилъ «пронсшествіе» на малороссійскомъ языкѣ и при томъ славянскими буквами. Ему въ это время было лѣтъ семь, не болѣе, но у Мордовцева живо осталось въ памяти чувство, испытанное имъ при писаніи разсказа, безхитростнаго, но вѣрно переданнаго, къ которому дьячокъ

Листовъ отпелся весьма благосклонно. Помнилъ Мордовцевъ, какъ учащенно билось у него сердце, какъ туманомъ заволакивало ему глаза, когда онъ предавался сочинительству, и какъ послѣ этого ему хотѣлось сочинить еще что-нибудь.

На девятомъ году жизни баловню матери пришлось впервые разлучиться съ нею. вмѣстѣ съ двумя старшими братьями Мордовцевъ былъ отвезенъ въ Усть-Медвѣдицкую станицу на Дону и помѣщенъ въ мѣстное окружное, или по теперешнему уѣздное, училище. Новыя мѣста, новая обстановка, совѣтъ новый міръ подѣйствовали потрясающимъ образомъ на ребенка, выдавшаго до тѣхъ поръ одну свою родную слободку, ея лѣса, да поля. Вспоминая объ этомъ времени, Даниилъ Лукичъ признавался, что его не такъ волновала вполнѣдствіи, полная таинственности и неизвѣстности, поѣздка въ Палестину и Египеть, какъ это первое въ его жизни путешествіе почти за двѣсти верстъ отъ слободы Даниловки, путешествіе, открывавшее ему совершенно иные горизонты. Любознательный отъ природы, онъ дивился новымъ мѣстамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они и пугали его. По собственному признанію Даниила Лукича, онъ «походилъ на звѣрка, наводненіемъ выгнаннаго изъ родимой норки». Разлука съ матерью повергла его въ безутѣшную скорбь, отъ которой онъ едва не занемогъ. А тутъ еще и школьные товарищи донимали его своими насмѣшками и преслѣдованіями за немѣнне объясняться по-русски и за мужичество. Дѣти донскихъ помѣщиковъ, они обзывали его «хохломъ-мужикомъ» и долго смотрѣли на него съ презрѣніемъ, съ обидной жалостью. И это, вмѣстѣ съ тоскою по родицѣ, усугубляло безотрадное положеніе ребенка, не плакавшаго только изъ гордости.

А онъ былъ очень гордъ, упрямъ и пастойчивъ даже въ свои юные годы—и рѣшилъ доказать барскимъ дѣтиямъ, что онъ нисколько не ниже ихъ по прилежанію и усиліямъ въ наукахъ. Не прошло и мѣсяца, какъ «хохоль-мужикъ» поималъ на «красную доску», далеко опередивъ такимъ образомъ чванныхъ помѣдичьихъ сынковъ. Онъ учился превосходно, благодаря прекраснымъ способностямъ и рѣдкой памяти. Она перѣдко выводила его въ затруднительныхъ случаяхъ, помогала рѣшать са-

мыя сложныя задачи. И въ то время, когда «шанки», чтобы околпачительно не провалиться на урокахъ, долбили задашное до одурѣнія, юный Мордовцевъ быстро управлялся съ уроками и выходилъ во дворъ училища или на улицу и, смотря по времени, наблюдалъ за звѣздами, сильно его заинтересовавшими, положеніе которыхъ онъ изучилъ отлично, или смотрѣлъ вдаль, тихо тоскуя о своей Данциловкѣ. Вообще въ свободные дни и долгіе часы онъ воспоминалъ свою прежнюю жизнь дикаря и, очутившись на волѣ, рыскалъ по горамъ и лѣсамъ, снова отдаваясь созерцанію природы или бесѣдуя съ чумаками и мѣстными старожилыми. Какъ это ни странно, но уже и въ такомъ раннемъ возрастѣ Мордовцевъ усердно запоминалъ, а нерѣдко и записывалъ на клочкахъ бумаги разныя свои встрѣчи и знакомства, свои впечатлѣнія, какъ будто провидя свою будущую дѣятельность, запасаясь матеріалами, взятыми не изъ книгъ, а изъ жизни, на мѣстѣ дѣйствія. По его собственнымъ словамъ, онъ уже и въ то время присматривался къ народу, прислушивался къ его сужденіямъ, разсказамъ, пѣснямъ. Вотъ почему во всѣхъ разсказахъ, повѣстяхъ, очеркахъ Мордовцева, гдѣ являются крестьяне, фигуры мужиковъ и бабъ, въ особенности обитателей Украйны, изображены у него такъ ярко, выпукло, такъ правдиво и безъ всякихъ прикрасъ.

Окончивъ окружное Усть-Медвѣдичское училище съ похвальнымъ листомъ, четырнадцати лѣтъ отъ роду, Мордовцевъ переселился въ Саратовъ, куда отвезъ его старшій братъ Николай въ августѣ 1844 года, записавшись въ мѣстные купцы. Даниэль Лукичъ поступилъ во второй классъ, выдержавъ экзамень съ грѣхомъ пополамъ, въ виду слабой подготовки изъ языковъ латинскаго, французскаго и нѣмецкаго. Это не помѣшало ему преуспѣвать въ остальныхъ предметахъ, и съ перваго же мѣсяца онъ попалъ на «золотую доску», рядомъ съ Пыпинымъ и Г. А. Захарьинимъ, впоследствии профессоромъ и знаменитымъ врачомъ-практикомъ въ Москвѣ. Дружбѣ съ Пыпинымъ, росшимъ съ нимъ въ одной семьѣ, а также и съ П. А. Ровинскимъ, позднѣе небезызвѣстнымъ писателемъ-славистомъ, молодой Мордовцевъ обязанъ былъ очень многимъ. Опередившіе

его развитіемъ, серьёзные, они благотворно вліяли на образъ его мыслей, на образованіе характера. Видя, какимъ солиднымъ для гимназиста запасомъ знаній обладаетъ Александръ Николаевичъ Пыпинъ, Мордовцевъ и самъ сталъ усердно работать надъ своимъ образованіемъ, изучать новѣйшіе языки, а также познакомился съ языками древне-еврейскимъ, татарскимъ и калмыцкимъ. Чтеніе «Космоса» Гумбольдта произвело на него потрясающее впечатлѣніе, послѣ чего онъ рѣшилъ сдѣлаться астрономомъ. вмѣстѣ съ Пыпинымъ онъ начертилъ карты звѣзднаго неба, которое оба они изучали до мельчайшихъ подробностей, перѣдко бодрствуя по цѣлымъ ночамъ и отмѣчая на картахъ движеніе планетъ. Продолжалось это не особенно долго, такъ какъ оба товарища стали усиленно заниматься чтеніемъ. Перейдя въ старшіе классы гимназій, Мордовцевъ, начавшій слагать стихи еще восьмилѣтнимъ отрокомъ, не на шутку предался сочинительству и принялъ самое дѣятельное участіе въ рукописномъ журналѣ тѣснаго товарищескаго кружка, гдѣ, по словамъ Данила Лукича, онъ «свирѣлствовалъ» и въ стихахъ, и въ прозѣ, помѣшал и статейки, и рассказы, и юмористическіе стишки. Въ 1848 г. вышелъ переводъ Жуковскаго классической «Одиссеи»; съ жадностью прочтавъ его, Мордовцевъ написалъ гекзаметромъ свою собственную шуточную «Одиссею», въ которой вывелъ и гимназическихъ учителей, и товарищей въ героическо-комическомъ видѣ.

Передъ окончаніемъ курса онъ превосходно зналъ языки греческій и латинскій; сочинялъ гекзаметры по-латыни, а по гречески переводилъ à livre ouvert и обладалъ большими познаніями изъ исторіи и словесности, русской въ особенности. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уже являлся однимъ изъ замѣтныхъ представителей молодого поколѣнія саратовской интеллигенціи, которая дала намъ столько выдающихся литературныхъ и ученыхъ дѣятелей нашихъ. Въ августѣ 1850 года Мордовцевъ держалъ экзамень въ Казанскомъ университетѣ, желая поступить на физико-математическій факультетъ. Его блестящіе отвѣты по всѣмъ предметамъ и по древнимъ языкамъ привели въ изумленіе профессоръ. «Какъ можно съ такими удивительными знаніями по предметамъ не изъ области математики избирать факультетъ мате-

матяческій!»—хоромъ восклицали экзаменаторы «словесники». И молодой Мордовцевъ вьялъ ихъ голосу—поступилъ на историко-филологическій факультетъ. Оставивъ въ покоѣ математику и классицизмъ—хотя, скуки ради, онъ записывалъ лекціи профессора исторіи Славянскаго по латыни—Даніилъ Лукичъ со свойственнымъ ему увлеченіемъ и рвеніемъ началъ изучать языковѣдѣніе и славянскія нарѣчія подъ вліяніемъ профессора Виктора Ивановича Григоровича и еще, будучи на первомъ курсѣ, по совѣту и настоянію Пыпина, перебравшагося въ петербургскій университетъ, перевелъ для профессора Измаила Ивановича Срезневскаго «Краледворскую рукопись» стихамъ на малороссійскомъ нарѣчіи. Здѣсь кстати сказать, что Мордовцевъ дѣлалъ всякіе переводы на латинскій языкъ произведеній русскаго народнаго творчества съ необычайной легкостью даже еще на гимназической скамьѣ. Вообще, съ молодыхъ лѣтъ онъ, по свидѣтельству извѣстнаго нашего слависта Владиміра Ивановича Ламанскаго, его юнаго друга по университету, обнаруживалъ огромныя способности къ языковѣдѣнію.

Въ 1851 г. Мордовцевъ, вьявъ совѣту своего товарища и друга Пыпина, перевелся въ Петербургскій университетъ, поступивъ на словесное отдѣленіе историко-филологическаго факультета. Онъ снова очутился въ «своемъ кружкѣ», который составляли Пыпинъ, Ламанскій, Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ, В. В. Бауэръ. Николай Трушковскій (племянникъ Гоголя) и другіе. Въ университетѣ Мордовцевъ попрежнему съ жаромъ отдавался наукѣ и дѣятельно пополнялъ пробѣлы своего образованія, поглощая массу книгъ и съ любовью изучая Пушкина, Гоголя, Лермонтова и родного своего Тараса Шевченко, имѣвшихъ на него свою значительную долю вліянія и относительно развитія вкуса и стремленія къ творчеству. На монотонныхъ лекціяхъ историка Н. Г. Устрялова, читавшаго ихъ преимущественно по учебнику, Мордовцевъ, какъ самъ онъ признавался, проводилъ время довольно оригинально: или рисовалъ каррикатуры, или отдавался творчеству: между прочимъ, онъ сочинилъ большую поэмъ «Казакъ и море», написанную по-малороссійски и напечатанную немного

позднѣе въ «Малорусскомъ Литературномъ Сборникѣ», изда- номъ авторомъ поэмы, совмѣстно съ Н. И. Костомаровымъ въ Саратовѣ (въ 1859 году). Въ этомъ первомъ литературномъ про- изведеніи его вылилась душа писателя, полная любви къ каза- честву, родному краю и народу. По отзывамъ соплеменниковъ автора, въ поэмѣ «Казаки и море» уже чувствуется необыкновен- ная мелодичность рѣчи и настоящій украинскій юморъ, а глав- ное, прибавимъ отъ себя, уже блещетъ талантъ повѣствователя, который Мордовцевъ умѣлъ такъ использовать черезъ много лѣтъ.

Вспыхнувшая крымская война нашла отголосокъ въ петер- бургскомъ университетѣ. Многіе студенты, прельстившись, глав- нымъ образомъ, легкостью экзаменовъ, превратились въ офице- ровъ и уѣхали въ дѣйствующую армію. Но воинственное на- строеніе не коснулось ни Мордовцева, ни членовъ его кружка; они были очень далеки отъ этого увлеченія. «У насъ—разсказы- ваетъ Мордовцевъ въ своихъ воспоминаніяхъ — былъ другой духъ... Мы уже кой-чего понюхали, надъ кой-чѣмъ задумыва- лись». И можно ли было не задумываться: стремительно шла вол- на шестидесятыхъ годовъ; умственное движеніе русскаго обще- ства явно чулось въ воздухѣ. Просьпались русскіе люди для со- вмѣстной работы на пользу родного края, потребность которой чувствовалась такъ живо. Правда, движеніе общества еще было въ зародышѣ, далеко еще было до разсвѣта, но предчувствіе его создавалось. Кацупъ освободительной эпохи, столь памятной въ исторіи нашего умственнаго развитія, не могъ не повліять на чуткую природу Мордовцева, на его міросозерцаніе, сложив- шеся окончательно, въ особенности подъ неотразимымъ влия- ніемъ той среды, въ которой вращался нашъ писатель, и всего больше подъ влияніемъ литературныхъ знакомствъ. Сыграло свою роль въ этомъ случаѣ и чтеніе.

↳ Даниилу Лукичу шелъ двадцать четвертый годъ, когда онъ блестяще окончилъ курсъ петербургскаго университета со ст- пенью кандидата историко-филологическаго факультета и съ зо- лотой медалью за сочиненіе по кафедрѣ славянскихъ нарѣчій «О языкѣ Русской Правды», написанное имъ еще на третьемъ

курсеѣ. Широкая дорога ученаго открывалась передь Мордовцевымъ, но онъ не рѣшался воспользоваться своими правами и данными; онъ стоялъ еще въ раздумьѣ передь нею. Ему хотѣлось набраться силъ, подготовиться къ научной дѣятельности.

Онъ покинулъ столицу и переселился въ Саратовъ. Здѣсь осенью 1854 года онъ женился на мѣстной уроженкѣ, вдовѣ Аннѣ Никаноровнѣ Паскаловой, урожденной Залетаевой. Это была женщина образованная, развитая, энергичная, причастная потому къ литературѣ. Совмѣстно съ Н. И. Костомаровымъ она собрала и издала поволжскія народныя пѣсни и преданія, сотрудничала въ саратовскихъ газетахъ и въ пользу черногорскихъ дѣвочекъ-сиротокъ выпустила небольшой сборникъ своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ «Отзвуки жизни», подписанные псевдонимомъ А. Б—цъ. Она скончалась въ 1885 году. Давидъ Лукичъ мечталъ о нѣкоторомъ отдыхѣ. Но отдыхать ему не пришлось. Въ то время въ Саратовѣ служилъ секретаремъ статистическаго комитета Николай Ивановичъ Костомаровъ, съ которымъ Мордовцевъ очень скоро сошелся на многомъ и въ особенности на любви къ родной имъ обонь Украинѣ, къ ея поэзіи. Сосланный въ Саратовъ, Костомаровъ уговорилъ пріятеля поступить на службу. И Мордовцевъ получилъ мѣсто въ губернскомъ правленіи, съ назначеніемъ редакторомъ «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», а также начальникомъ газетнаго стола съ исполненіемъ обязанностей переводчика того же правленія.

Съ этого момента и началась для Мордовцева та дѣятельность, которая, развиваясь годъ отъ году, сравнительно довольно быстро, создала ему имя и почетное положеніе въ нашей литературѣ. Со свойственнымъ ему трудолюбіемъ, настойчивостью и усидчивостью онъ началъ заниматься статистикой и археологіей, рыться въ архивахъ, совершать поѣздки по губерніи. Его изысканія дали хорошіе результаты. Въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ появился рядъ его статей, географическихъ, статистическихъ, историческихъ, а немного позже въ столичныхъ изданіяхъ превосходныя монографіи. Одно бѣглое перечисленіе его работъ въ «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» заняло бы цѣлыя страницы нашего очерка, а потому скажемъ только, что многія

изъ этихъ статей, написанныхъ по архивнымъ документамъ, были какъ бы введепіемъ къ его большимъ трудамъ. Разнообразна и пестра была литературная дѣятельность Мордовцева вообще, и въ данное время она носила тотъ же характеръ. Онъ являлся въ вѣдомостяхъ и историкомъ, и эконопистомъ, и статистикомъ, и, наконецъ, даровитымъ фельетонистомъ общителнаго пошиба. Въ немъ проявлялся уже будущій чуткій публицистъ, зорко присматривавшійся къ жизни родной земли.

Въ 1859 году появился его первый историческій рассказъ «Медвѣдицкій бурлакъ», напечатанный въ прогрессивной «Русской Газетѣ», попавшій затѣмъ въ учебическую хрестоматію П. М. Перевлѣскаго и прочитанный нѣсколькими поколѣніями. Следъ за рассказомъ было напечатано въ газетѣ И. С. Аксакова «Парусъ» и первое историческое изслѣдованіе Мордовцева «Самозванецъ Богомоловъ», которое можно назвать пробнымъ шагомъ въ разработкѣ вопросовъ о попизовой вольницѣ, о самозванцахъ и бунтаряхъ на Руси, то есть, такихъ вопросовъ, надъ разъясненіемъ и поясненіемъ которыхъ никто столько не потрудился изъ нашихъ писателей, какъ Мордовцевъ, этотъ яркій и добросовѣстный бытописатель судебъ русскаго народа, преимущественно тревожныхъ. «Самозванецъ Богомоловъ» сразу былъ замѣченъ и русскими читателями, и критикой, которая привѣтствовала появленіе въ нашей небогатой литературѣ новаго, свѣжаго, выдающагося таланта. Самъ старшій историкъ Михаилъ Петровичъ Погодинъ первый обнаружилъ новаго даровитаго писателя и проѣздомъ черезъ Саратовъ познакомился съ Мордовцевымъ, привѣтствовалъ его успѣхъ и благословилъ молодого изслѣдователя на дальнѣйшіе труды.

Слѣдъ за «Самозванца Богомолова» одно за другимъ начали появляться дальнѣйшія изслѣдованія Мордовцева въ литературныхъ и специальныхъ изданіяхъ: «Заметаевъ», «Атаманъ Брагипъ и разбойникъ Зубакинъ», «Самозванецъ Степанъ Малый», «Самозванецъ Ханнинъ», «Пугачевщина», «Крестыяне въ юго-западной Руси въ XVII вѣкѣ», «Паденіе Польши», «Выдержки изъ исторіи Польши», «Груня, атаманъ разбойниковъ», «Гайдмачина», «Разбойничій атаманъ Беркутъ», «Тины современной